

Глаголев Сергей Сергеевич

**Протоиерей Федор
Александров (Голубинский)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г52

Г52 **Глаголев Сергей Сергеевич**
Протоиерей Федор Александров (Голубинский) / Глаголев Сергей Сергеевич –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 47 с.

ISBN 978-5-458-05529-1

Выпущенная отдельной брошюрой статья, опубликованная в «Богословском Вестнике» к столетию со дня рождения выдающего русского философа. Репринтное издание с оригинала 1898 г.

ISBN 978-5-458-05529-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

шему: *Θ. А*—чь оказалъ ученую услугу одному своему товарищу, а тотъ уплатилъ за него долгъ булочнику.

Въ 1814 году въ новооткрывавшуюся Московскую духовную академію было вызвано изъ костромской семинаріи 8 воспитанниковъ, и *Θ. А*—чь отпразднелъ съ своими земляками, по тогдашнему, не въ близкій путь: изъ Костромы въ Сергіеву Лавру. Въ сентябрѣ они держали приѣмныя экзамены, и 1-го октября открывшаяся академія приняла ихъ въ составъ своего перваго курса. Думаемъ, что они вступили въ нее, имѣя настроеніе нѣсколько иное, чѣмъ то, которое имѣли новопоступавшіе студенты послѣдующихъ поколѣній. Подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ событій и войнъ 1812—14 г.г. государь и русское общество были настроены религіозно, на открывавшуюся академію и, слѣдовательно, на поступившихъ въ нее студентовъ возлагались добрыя и большія надежды. Когда 1-го октября они послѣ богослуженія въ Троицкомъ соборѣ вступили въ царскіе чертоги, отданные академіи, и тамъ началось торжество открытія, они должны были чувствовать, что на нихъ смотрятъ, о нихъ думаютъ и на нихъ надѣются всѣ вѣрующіе и образованные люди Россіи. Это должно было сообщить имъ повышенное настроеніе, должно было сообщить въ нихъ подъемъ духа, стремленіе къ усиленнымъ занятіямъ. И мы имѣемъ свидѣтельство, что это предполагаемое нами настроеніе у нихъ было и оказалось не скоро преходящимъ. Въ мартѣ 1816 г. студенты основали ученое общество подъ названіемъ: ученые бесѣды. Въ запискѣ *Θ. А*—ча говорится, что „къ составленію сего общества подало случай пріятное обыкновеніе, общее между всѣми почти занимающимися науками, собесѣдовать между собою о предметахъ своихъ упражненій“. „Часто въ часы досуга, говорится въ запискѣ далѣе, студенты любили съ дружескою свободою и откровенностію говорить, что каждый думалъ о предметахъ ихъ ученія; иногда читали другъ передъ другомъ свои сочиненія и судили о нихъ. Находя удовольствіе въ сихъ собесѣдованіяхъ, они впрочемъ замѣтили въ нихъ тотъ недостатокъ, что какъ время ихъ, такъ иногда и предметъ, не были опредѣлены, и для того и вознамѣрились назначить постоянныя правила для того и другаго; и размысленіе о сихъ правилахъ, а вмѣстѣ взоръ на

многія общества, въ разныхъ Академіяхъ и Университетахъ, между учащими и учащимися учрежденныя, открыли въ нихъ мысль о образованіи подобнаго общества. По взаимныхъ совѣщаніяхъ они начертали для такового общества постановленія и представили оныя тогдашнему инспектору академіи архимандр. Филарету⁴⁾. Уставъ общества былъ утвержденъ и ученымъ секретаремъ его („производителемъ письменныхъ дѣлъ“) былъ избранъ 18-лѣтній *Θ. А. Голубинскій*. Бесѣды и рефераты въ обществѣ велись богословско-философскіе. Такъ, за много лѣтъ до возникновенія въ Москвѣ обществъ любителей духовнаго просвѣщенія и психологическаго въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, въ деревенской тиши уже существовало общество любителей богословскихъ и философскихъ наукъ. Оно состояло изъ 24 членовъ, остальные студенты (около 40), надо полагать, тяготѣли къ менѣе ученымъ ассоціаціямъ.

Въ то время, какъ въ Московской Д. Академіи читались рефераты по философіи, обсуждался смыслъ и значеніе философіи Канта, въ журналѣ издававшемся при Московскомъ Университетѣ (*Вѣстникъ Европы*) Канта, Фихте и Шеллинга называли съумасшедшими и ихъ сочиненія „нѣмецкой галиматьей“. Юные студенты удивлялись невѣжеству и нелѣпости сужденій университетскаго жунала. Не точка зрѣнія на предметъ удвляла ихъ, а незнаніе предмета. Отрицательные взгляды на философію и религію имъ были хорошо извѣстны, но основательное изученіе философіи приучило ихъ—глубоко благочестивыхъ и строго православныхъ христіанъ (это видно по ихъ рефератамъ)—къ терпимости къ чужимъ взглядамъ и мнѣніямъ.

Въ этой юной, благородной и серьезной атмосферѣ возрасталъ духомъ *Θ. А-чъ*. Въ Академіи при ея основаніи было учреждено два отдѣленія историческое и физико-математическое. *Θ. А-чъ* избралъ послѣднее. Въ Академію онъ принесъ съ собой крѣпкую православную вѣру, академія дала ему основательныя начальныя знанія, которыя увеличивать и расширять далѣе онъ уже могъ вполнѣ самостоятельно. Профессоромъ наиболѣе вліявшимъ на *Θ. А-ча* былъ,

⁴⁾ С. Смирнова, *Исторія Москов. Д. Академіи (1814—1870)* 1879 стр. 175—178.

кажется, В. И. Кутневичъ. Кутневичъ преподавалъ сначала математическія и затѣмъ философскія науки (логику, психологію и исторію философіи, метафизика тогда не читалась). О немъ сохранилась память, какъ о даровитомъ и трудолюбивомъ профессорѣ. Онъ выписалъ сочиненія Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби, исторію философіи Теннемана и другія философскія новинки того времени, и его даровитый ученикъ очень скоро могъ ознакомиться съ тогдашней нѣмецкой философіей. И Ѳ. А-чъ не терялъ времени. Онъ переводилъ съ нѣмецкаго языка (эти переводы и теперь сохранились у сына его Димитрія Ѳеодоровича) курсы по исторіи философіи Теннемана, Бруккера, Эстетическія разсужденія Аюсиллона. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ П. С. Делицынымъ онъ перевелъ всю эстетику Бутервака. Не медлил Ѳ. А-чъ и другихъ знакомить съ нѣмецкой философіей. Когда онъ поступилъ въ Академію, онъ оставилъ въ семинаріи младшаго по курсамъ своего друга Ѳеодора Москвина (впослѣдствіи принявшаго монашество подъ именемъ Арсенія и скончавшагося весною 1876 года въ санѣ митрополита кievскаго). Обучаясь въ Академіи, на время ваканцій Ѳ. А-чъ ходилъ пѣшкомъ въ Кострому къ родителямъ и на своихъ плечахъ приносилъ своему другу по семинаріи нѣмецкія философскія книги, и семинаристъ Москвинъ подъ руководствомъ студента Голубинскаго слѣдилъ за движеніемъ западно-европейской мысли въ то время, когда еще съ нею неохотно знакомились и русскіе профессеры. Впослѣдствіи іерархъ Арсеній съ любовью вспоминалъ и рассказывалъ объ этомъ Димитрію Ѳеодоровичу Голубинскому.

Въ 1818 году Академія выпустила первый курсъ своихъ воспитанниковъ, Ѳ. А-чъ окончилъ третьимъ магистромъ и былъ оставленъ при В. И. Кутневичѣ бакалавромъ (по нынѣшнему доцентомъ) по философіи. Бакалаврамъ тогда полагалась жалованья 600 р. ассигнаціями въ годъ, что по курсу въ то время равнялось 150 р. серебромъ, т. е. профессорское жалованье въ то время было значительно меньше нынѣшнихъ студенческихъ стипендій. Но молодой философъ, полагаемъ, нисколько не смутился этимъ. Онъ любилъ скромность и не желалъ получать и имѣть много. Онъ любилъ давать, но не любилъ брать. Онъ

усердно помогать семьѣ своего родителя (при его преимущественномъ содѣйствіи была выдана замужъ его сестра — Александра Александровна), помогать чужимъ и своими скудными средствами и ходатайствами. Но когда ему, учившему графа М. В. Толстого (онъ занимался съ нимъ, по свидѣтельству графа, „никогда не менѣе 2-хъ часовъ, а ипогда и болѣе“) ⁵⁾ за 25 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ (около 7 руб. на серебро), мать ученика предлагала увеличеніе платы, онъ безусловно отказывался.

Пособіемъ къ жалованью бакалаврамъ служилъ еще магистерскій окладъ 350 р. ассигнаціями въ годъ. На эти скромные гроши и даже только на часть ихъ, ибо часть онъ отдавалъ, скромно жилъ молодой бакалавръ до 1820 г. Въ этомъ году академію ревизовалъ архіеп. тверской Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) и далъ о Ѳ. А-чѣ такой отзывъ: „очень способенъ и прилеженъ; духа добраго; въ познаніяхъ возрастаетъ благопослѣшно ⁶⁾“. Коммиссія Духовныхъ Училищъ выразила ему свое одобреніе, на него было возложено преподаваніе нѣмецкаго языка и онъ былъ сдѣланъ членомъ академической конференціи. Въ 1822 году онъ получилъ званіе экстра-ординарнаго профессора, а въ 1824 г., когда В. И. Кутневичъ (тогда протопресвитеръ московскаго Архангельскаго собора) оставилъ академію, сталъ ординарнымъ профессоромъ.

Но у преемника не порвалась связь съ предшественникомъ: Ѳ. А-чъ рѣшилъ вступить въ бракъ съ сестрою В. И. Кутневича — Анною Ивановною. Мы привели выше письмо родителя къ Ѳ. А-чу по этому поводу. Бракосочетаніе рѣшено было совершить въ іюлѣ 1824 года, начались приготовленія къ свадьбѣ, по внезапно невѣста заболѣла такъ, что мысль о свадьбѣ должно было оставить. Болѣзненное состояніе невѣсты продолжалась болѣе 2-хъ лѣтъ, положеніе ея иногда представлялось такимъ, что, по видимому, Ѳ. А. долженъ былъ стать вдовцомъ, не бывъ мужемъ. Но это было только испытаніемъ. Прошло два съ половиною года, къ обязанностямъ Ѳ. А-ча присоеди-

⁵⁾ Воспоминанія гр. М. В. Толстого. Русскій Архивъ. 1881. т. 1. стр. 30.

⁶⁾ Мнѣнія и отзывы м. Филарета, изданные преосвящ. Саввою 1885 г. т. 2. стр. 54.

нилась еще должность цензора духовныхъ книгъ (съ 1826 г.), Анна Ивановна выздоровѣла, и онъ сочетался съ нею бракомъ 30 января 1827 года. Въ 1828 г. онъ принялъ санъ священника (съ причисленіемъ къ московскому вознесенскому мнастырю) и въ слѣдующемъ году былъ сдѣланъ протоіереемъ. Привятіе священнаго сана не могло принести ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ: онъ числился священникомъ въ Москвѣ, а служилъ безвозмездно въ посадѣ. Не могла новая должность внести и какихъ-либо новыхъ стѣсненій въ его жизнь: онъ не пользовался ранѣе тѣми удовольствіями, которыя доступны только свѣтскимъ, и потому не отказывался ни отъ чего, ставъ духовнымъ. Единственнымъ побужденіемъ для поступленія во священники, полагаемъ, у него было то, чтобы и здѣсь на землѣ стать ближе къ Богу, имѣть право быть дерзновеннѣе къ Нему въ своихъ молитвахъ, возносить эти молитвы предъ самымъ Его престоломъ и совершать безкровную жертву за всѣхъ тѣхъ живыхъ и умершихъ, объ участи которыхъ такъ болѣло его любящее сердце. Онъ всегда охотно принималъ предложенія послужить (разумѣется, задаромъ) въ приходскихъ церквахъ посада, онъ всегда служилъ (это видно изъ его писемъ) въ дни, которые были чѣмъ-либо важны и знаменательны для его родныхъ и близкихъ.

Тихо и безмятежно жила чета Голубинскихъ. Онъ усовершенсался въ вѣрѣ и разумѣніи (философіи), исполнялъ обязанности профессора, цензора, священника, она своей лаской, любовью и заботами поддерживала его въ его разнообразныхъ трудахъ. *Θ. А-чъ*, какъ ординарный профессоръ, получалъ 1500 р. и какъ цензоръ 800 р. ассигнаціями. Для скромныхъ супруговъ этого было вполне достаточно, чтобы содержать себя, свою мало по малу возраставшую семью, помогать бѣднымъ родственникамъ и удѣлять еще значительную часть неимущимъ. Объ ихъ благотворительности должно сказать, что она была велика, но о ней нельзя сказать много. Открытый *Θ. А-чъ* былъ очень скрытенъ по отношенію къ своимъ дѣламъ благотворенія. Но какъ ни тщательно старался онъ скрывать то, что дѣлалъ, мы нашли слѣды его дѣяній. Во 1) многіе изъ тѣхъ, которымъ онъ благотворилъ тайно, къ чести ихъ оказались людьми нескромными и о благодѣяніяхъ *Θ. А-ча* съ благо-

дарностію сообщали другимъ явно и громко, а отъ этихъ другихъ о дѣлахъ Ѳ. А-ча освѣдомились и мы. Во 2) живымъ свидѣтельствомъ любви Ѳ. А. къ благотворенію и его умѣнья воспитывать ее въ другихъ является его сынъ— нашъ глубоко уважаемый профессоръ Димитрій Ѳеодоровичъ, который какъ и его родитель, по завѣту евангельскому, не собираетъ себѣ сокровищъ на землѣ, „гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ“ (Мѡ. VI, 19). Въ 3) какъ ни былъ богатъ ординарный профессоръ Ѳ. А-чъ, получавшій на наши деньги около 700 руб. сереб. въ годъ и имѣвшій семью лишь въ 6 человѣкъ (изъ 9 человѣкъ дѣтей—5 у Ѳ. А-ча умерли маленькими), однако и его средствъ не хватало на удовлетвореніе всѣхъ обращающихся къ нему за помощью: и онъ принуждаемъ былъ просить и ходатайствовать за таковыхъ предъ другими. А эти другіе повѣдали о семъ міру. Личный взглядъ на дѣло благотворенія Ѳ. А-чъ высказалъ въ письмѣ Бартеневу, который при хлопотахъ о помощи однимъ сиротамъ получилъ, повидимому, нѣкоторыя непріятности и, намекнувъ на это въ письмѣ къ Ѳ. А-чу, прибавилъ: „но объ этомъ помолчимъ“. Ѳ. А-чъ писалъ ему: „нѣтъ, мало того, чтобы помолчать: благодарить и благодарить надобно Всевышняго Милостынераздателя за то, что сподобилъ васъ не только помочь бѣднымъ, но и нѣчто потерпѣть. Какія это алмазныя привѣски къ золотой цѣпочкѣ ?!“

Еще болѣе, чѣмъ матеріальныя, спѣшилъ Ѳ. А—чъ удовлетворять духовныя нужды. У него не было прихода, но онъ имѣлъ духовныхъ дѣтей, которыхъ прибрѣлъ многими трудами и терпѣніемъ. Онъ обращалъ инославныхъ въ православіе, вводилъ и не-христіанъ въ православную церковь. Сколько трудовъ понесъ онъ при обращеніи еврея Гирши Карасина⁸⁾. Какимъ нравственно чистымъ, глубоко религіознымъ и богословски развитымъ привелъ онъ его къ купели крещенія. На небѣ бываетъ радость объ одномъ

7) Переписка Ѳ. А. Голубинскаго съ Ю. Н. Бартеневымъ, стр. 412. Русск. Архивъ. 1880 г. т. 3.

8) См. письма м. Филарета, хранящіяся въ собраніи Императ. публич. библиот. 1891. стр. 2—6.

грѣшникѣ кающемся, но Гирша былъ далеко не одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Ѡ. А—чъ привелъ въ церковь или, когда они, какъ блудныя сыны, ушли отъ нея очень далеко, возвратить въ ея лоно (такъ это было съ графомъ Вл. Ст. Толстымъ. см. далѣе).

Такъ, въ заботахъ о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ своихъ ближнихъ, въ исполненіи обязанностей по должностию проводить свои дни Ѡ. А—чъ. Часы досуга проходили у него или въ обществѣ любимой семьи или въ обществѣ близкихъ друзей. Такимъ образомъ былъ для него профессоръ протоіерей Делицинъ. вмѣстѣ съ нимъ онъ учился въ академіи, вмѣстѣ они были оставлены при пей (Делицинъ преподавалъ математику и французскій языкъ), вмѣстѣ служили въ цензурномъ комитетѣ, даже и священниками они числились при одномъ московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Много у нихъ было общихъ заботъ и интересовъ, „Собирались мы, говорилъ Петръ Спиридоновичъ Делицинъ, поссориться съ Θεодоромъ Александровичемъ, да такъ и не собрались“. Но и кромѣ П. С. Деляцина было у Ѡ. А—ча много людей, которые любили и уважали его, любили его поучительныя бесѣды и которые по этому всегда были не прочь своимъ посѣщеніемъ нарушать его покой или оторвать его отъ занятій. Квартира Ѡ. А—ча была открыта для всѣхъ. Его скромная пріемная, со стѣнъ которой глядѣли на посѣтителей лики подвижниковъ: Тихона Задонскаго, Серафима Саровскаго, Пансіа и Георгія затворника, видѣла у себя и сильныхъ и малыхъ міра, и русскихъ и иностранцевъ, и ученыхъ и простыхъ людей. Изъ нея выходили восхищенные бесѣдою съ православнымъ философомъ и путешествовавшій по Россіи баронъ Гакстгаузенъ и русскій профессоръ Шевыревъ и многіе иные. Всѣхъ Ѡ. А—чъ встрѣчалъ съ радушіемъ и провожалъ съ любовью. Ища въ каждомъ человѣкѣ искру Божию, Ѡ. А—чъ не отказывался протягивать руку и тѣмъ, на имя которыхъ была наброшена тѣнь. А такъ какъ въ то время, какъ и теперь, были люди, которые при помощи анонимныхъ писемъ и иныхъ способовъ всегда готовы очернить своего ближняго, то и о Ѡ. А. было однажды доведено до свѣдѣнія митрополита, что онъ имѣетъ сношенія съ подозрительнымъ сектантомъ Дубовицкимъ.

Θ. А—чь искренно описаль митрополиту, какъ и въ чемъ было дѣло. Митрополитъ Филаретъ, высоко цѣнившій и глубоко понимавшій Голубинскаго, отвѣтилъ ему сердечнымъ письмомъ, въ которомъ благодарилъ за искренность⁹⁾.

Пытались Θ. А—ча отнять у академіи. Попечитель Московскаго учебнаго округа графъ Строгановъ предлагаль Θ. А—чу каведру ординарнаго профессора по философіи въ московскомъ университетѣ, оберъ-прокуроръ св. Синода С. Д. Нечаевъ тоже предлагаль ему какое то завидное мѣсто. Но скромный философъ скромно и, однако, рѣшительно отказывался отъ этихъ предложеній. „Тягостно для меня, писалъ онъ оберъ-прокурору Нечаеву, не оправдать ожиданій вашего превосходительства, но... и не могу принять на себя обязанности, которую ваша благодѣтельная рука мнѣ указываетъ“¹⁰⁾. Въ дальнѣйшихъ строкахъ Θ. А. говоритъ, что онъ вполне доволенъ своимъ положеніемъ и что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ послужить еще академіи.

Θ. А—чь покидалъ академію только по приказаніямъ своего же начальства. Въ 1828 г. онъ ѣздилъ ревизировать рязанскую и тульскую семинарію, въ 1833 г. ревизироваль семинаріи калужскую и тульскую. Но это была уже его послѣдняя отдаленная командировка. Послѣ этого онъ былъ назначаемъ только ревизоромъ виванской семинаріи (въ 1834 и 40 годахъ).

Въ началѣ 1841 г. Θ. А—ча поразилъ жестокий ударъ: 27 января скончалась его супруга, на его рукахъ осталось четверо дѣтей: старшая дочь Марія (менѣ 13 лѣтъ) и сыновья: Сергѣй, Димитрій и Петръ. Мужъ вѣры и знанія, но не мужъ житейскихъ заботъ—что онъ былъ долженъ дѣлать съ этими малютками? Какъ и они, онъ былъ осиротѣлымъ и беспомощнымъ. Скорбь его была глубока, и едва-ли послѣдующія обстоятельства жизни могли ее смягчить. Люди, знавшіе его, понимали его состояніе, жалѣли его и старались не тревожить его въ его скорби. Митро-

⁹⁾ Письма м. Филарета, хранящіяся въ Императ. публич. библ. 1891. стр. 1—2.

¹⁰⁾ С. Г. Рункевичъ, изъ церковно-общественной жизни второй четверти нашего столѣтія. 1896. стр. 27—28.

полить Филаретъ писалъ въ февралѣ къ намѣстнику Антонію: „О, протоіерея Θεодора жаль... Господь да подкрѣпитъ его и да устроить о немъ полезное“¹¹⁾. Стурдза, печатавшій свои письма подъ цензурой Θ. А—ча и передъ этимъ три раза просившій его объ ускореніи дѣла, услышавъ о несчастіи постигшемъ Θ. А., писалъ (уже въ концѣ апрѣля) къ оберъ-прокурору Нечаеву: „слышу, что почтенный о. Голубинскій овдовѣлъ—слѣдственно въ горнилѣ скорби душевной; не смѣю въ 4-й разъ спрашивать“¹²⁾. Много сочувственныхъ писемъ, съ словами утѣшенія получилъ Θ. А—чъ, много выраженной любви и добраго расположенія онъ долженъ былъ найдти въ этихъ письмахъ, это должно было укрѣплять его въ его вѣрѣ въ добро и человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти письма свидѣтельствовали о полномъ безсиліи человѣка помочь дѣйствительному человѣческому горю.

Θ. А—чу оставалось только искать успокоенія и утѣшенія въ трудахъ и молитвѣ. Съ этихъ поръ онъ сталъ гораздо больше отводить времени размышленію о смерти, о загробной участи людей, чтенію книгъ говорящихъ о томъ, что ожидаетъ насъ по ту сторону гроба. Жизнь уже не давала ему больше радостей. Награды, которыя онъ получилъ, едва-ли доставляли ему утѣшеніе (ордена св. Анны 3-й въ 1846 и 2-й степени въ 49 годахъ), а смерть одного за другимъ отнимала у него близкихъ людей. Осенью 1843 г. Θ. А—чъ поселился съ своею семьею на казенной квартирѣ (за лаврой на казенномъ дворѣ). Здѣсь просторно бы было жить и большой семьѣ, но семья Θ. А. здѣсь все убывала. Въ 1847 г. онъ выдалъ свою дочь Марью Θεодоровну за преподавателя Виѣанской семинаріи Димитрія Васильевича Разумовскаго (впослѣдствіи протоіерея и профессора церковнаго пѣнія въ московской консерваторіи). Въ свиданіяхъ съ этимъ зятемъ и дочерью Θ. А—чъ находилъ замѣтное утѣшеніе въ тѣхъ скорбяхъ, которыя за тѣмъ одна за другою стали поражать его. Пѣшкомъ иногда онъ изъ своей квартиры отправлялся въ Виѣанію и здѣсь

¹¹⁾ Письма м. Филарета къ архим. Антонію. Часть I. 1877. Стр. 392.

¹²⁾ Рункевичъ, изъ церковно-общественной жизни второй четверти нашего столѣтія. 1896. стр. 20.

въ счастливой молодой семьѣ находилъ отдыхъ отъ дѣлъ и утѣшеніе въ горѣ (счастливая жизнь четы Разумовскихъ продолжалась однако не долго: Марья Θεодоровна пережила своего родителя только четырьмя годами, она скончалась въ 1858 г. 30 лѣтъ отъ роду). Въ 1849 г. въ квартирѣ **Θ. А—ча** скончался его братъ **Петръ А—чъ**, служившій губернскимъ почтъ-мейстеромъ у донскихъ казаковъ. Какъ и **Θ. А—чъ**, онъ сначала учился въ семинаріи, но оставилъ ее ради военной карьеры и молодость провелъ въ военной службѣ. **Θ. А.** посвятилъ ему слѣдующую эпитафію.

Приидите ко Мнѣ вси труждающіися
и обремененніи, и Азъ упокою вы. (Мѡ. II, 28).

Усталый странникъ бремя жизни
Въ святую землю здѣсь сложилъ.
Онъ кровью жертвовалъ отчизнѣ,
Въ трудахъ всѣ силы истощилъ.

Правдивый, искренній, усердный
Любилъ онъ бѣднымъ помогать
И счастье сирыхъ устроить.
Прими его въ Свой кровъ
Спаситель милосердый?

Вскорѣ у старшаго сына **Θ. А—ча** **Сергѣя** (студента академіи) обнаружили признаки чахотки. Онъ долго болѣлъ и умеръ 29 января 1852 г. При его погребеніи простудился младшій сынъ **Θ. А—ча—Петръ** (ученикъ вѣанской семинаріи), и скарлатина въ три дня унесла его въ могилу. Онъ скончался 21 февраля. На его намогильномъ памятникѣ **Θ. А—чъ** помѣстилъ такое двухстишіе:

Безсмертный цвѣтокъ, недоцвѣтшій въ юдоли земной,
Въ раю разцвѣти, напойемъ Господней росой. (Ис. 26, 19).

Митрополитъ **Филаретъ**, поспѣшившій съ словомъ утѣшенія къ **Θ. А—чу** послѣ смерти его перваго сына, послѣ смерти другого написалъ ему слѣдующее:

Честнѣйшій отецъ протоіерей!

Съ соболѣзнованіемъ узналъ я о новомъ лишеніи, которымъ угодно Господу испытать ваше родительское сердце. Что сотворимъ? Что иное, какъ развѣ повинимся Отцу духовомъ, да живи будемъ? Надѣюсь, что такъ и расположенъ духъ вашъ. Да укрѣпится онъ, и да сохранить въ